

Гильфанов Равиль Тагирович

кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков
и межкультурной профессиональной коммуникации
Тюменского государственного университета
тел.: (83452) 29-76-71

**ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ
СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ
МОДАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ
ВОЗМОЖНОСТИ
В ТАТАРСКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ
(СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ)**

Gilfanov Ravil Tagirovich

Candidate of Philology, Associate Professor of
the chair of Foreign Languages
and intercultural professional communication,
Tyumen State University
tel.: (83452) 29-76-71

**LEXICAL AND GRAMMATICAL
PROPERTIES OF EXPRESSING
MODAL VALUE OF
OPPORTUNITY
IN THE TATAR AND
THE GERMAN LANGUAGES
(COMPARATIVE RESEARCH)**

Аннотация:

Статья посвящена сравнительно-сопоставительному анализу лексико-грамматических средств выражения возможности, одного из основных модальных значений, встречающихся в языке художественной литературы и публицистики. На материале разноструктурных языков – татарского и немецкого – выявляются общие и специфические черты сопоставляемых языков. При сопоставительном анализе структур функционально-семантического поля возможности в немецком и татарском языках, а также функционирования их конститuentов были выявлены сходства и различия в сопоставляемых языках.

Ключевые слова:

возможность, лексические и грамматические средства, немецкий язык, татарский язык, функционально-семантическое поле.

The summary:

The article is devoted to the comparative and contrastive analysis of lexical and grammatical means of express the meaning of ability, which is one of the main modality meanings in fiction and journalism. On the structural materials of different languages – Tatar and German – the common and the specific features of the compared languages are identified. In the comparative analysis of patterns of functional and semantic field of the opportunity in the German and the Tatar languages, as well as the functioning of their constituents have been identified the similarities and the differences in the compared languages.

Keywords:

ability, lexical and grammatical means, the German language, the Tatar language, functional and semantic field.

Для объективного исследования сложной системы языка требуются новые методы. Наиболее эффективной, на наш взгляд, является полевой метод. Впервые теория поля появилась в немецкой лингвистике. У истоков этой концепции в языкознании стояли Й. Трир, Г. Ипсен, В. Порциг и Л. Вайсгербер. Описывая лингвистические единицы в систему соответствующих логических единиц, они обозначили понятийные и смысловые сферы языка полем. Это понятие (Wortfeld) получило наибольшую популярность с выходом в свет исследований Ипсена (Bedeutungsfeld) (Ipsen 1924), Порцига (Porzig 1934), Трира (sprachliches Feld) (Trier 1934). Исходным пунктом был комплекс приемов в описании «понятийного поля» у Ипсена, исследовавшего термины овцеводства в индоевропейском ареале, не обязательно этимологически родственные.

В отечественном языкознании этой теорией наиболее подробно и системно занимался А.В. Бондарко. Он определяет ФСП как «систему разноуровневых средств данного языка (морфологических, синтаксических, словообразовательных, лексических, а также комбинированных), объединенных на основе общности и взаимодействия их семантических функций». Компонентами ФСП являются языковые категории, классы и единицы с их языковыми значениями, связанными с конкретными средствами формального выражения в данном языке [1, с. 21–24]. Таким образом, исходным пунктом исследования признается некоторое общее значение, после этого устанавливаются различные лексические, грамматические, а также другие языковые средства передачи этого значения (разноуровневые языковые средства).

В структуре ФСП разграничиваются ядро (центр) и периферия. В ядре сосредоточены определенные грамматические категории, обладающие полным набором свойственных им дифференциальных признаков, их максимальной концентрацией. На периферии представлены члены ФСП, функциональная нагрузка которых уменьшилась, поскольку они не имеют полного набора этих признаков. Периферийные конструкции всегда синкретичны.

Функционально-семантическое поле модальности распадается на поле действительности и недействительности, а в последнем, в свою очередь, мы выделяем микрополе модальности возможности, что и представляет научно-исследовательский интерес наряду с обширной гаммой лексико-грамматических средств выражения возможности в сопоставляемых немецком и татарском языках [2, с. 117].

Теория ФСП связана с понятием о категориальном значении [3, с. 143]. Так, в ядре ФСП находятся такие грамматические категории, у которых присутствуют все их грамматические признаки, то есть именно в этих явлениях сосредоточено яркое категориальное значение. Периферия ФСП характеризуется неполнотой грамматических свойств анализируемых категорий

Как известно, всякое предложение содержит в себе указание на отношение действия к действительности, которое устанавливается говорящим лицом. Человек всегда выражает свою деятельность, наполненную намерениями, чувствами, эмоциями с помощью языковых средств. Оно может носить самый разнообразный характер, то есть предложения могут рассматриваться и анализироваться с разных позиций.

Модальное значение возможности как семантический инвариант реализуется в сопоставляемых языках в различных модальных значениях, а именно как реальная (объективная/субъективная), потенциальная, альтернативная, уступительная и ирреальная возможность. Это означает, что данная категория охватывает не только конкретную и абстрактную возможности, но и другие семантические компоненты поля возможности по степени вероятности (осуществимости, выполнимости). Обстоятельства, обуславливающие связь субъекта и признака, могут иметь различную природу. Но во всех работах по модальности из их многообразия следующие подтипы значения возможности: 1) отношение субъекта к своему действию; 2) отношение говорящего к содержанию высказывания как вероятному или предположительному.

Возможность как отношение субъекта к своему действию может определяться: а) внутриситуативными факторами – свойствами субъекта, его знаниями, опытом, способностями, умением, задающими ситуацию внутренней возможности. Совокупность частных значений внутренней возможности включает следующие разновидности: «иметь способность к выполнению какого-либо действия», «уметь», «быть в состоянии», «иметь смелость», «иметь желание» (выполнить действие либо свойствами других участников ситуации: *Бу мәсьәлә жеңел, мин аны үзем дә чишә алам; Diese Aufgabe ist leicht, ich kann sie selbst lösen* «Эта задача легкая, я смогу решить ее сам»); б) внешними по отношению к ситуации факторами – разрешением со стороны некоторого лица, либо со стороны общественных норм, права, морали и т.п. Внешние условия могут быть также связаны с действиями природных сил. Речь здесь уже идет о внешней возможности, которая дифференцируется в зависимости от характера внешних условий превращения возможности в действительное. Указание на внешнее или внутреннее происхождение модального значения возможности присутствует во всех предложениях и выражается различными лексико-грамматическими средствами. В случае выражения в предложении внутренней или внешней возможности многозначным модальным словом (например, глаголом *мочь* «быть в состоянии», «уметь», «иметь разрешение на осуществление какого-либо действия» или словом *ярамый* «нельзя», «нет оснований», «нет возможности», «не дозволено»). В немецком языке данное значение передается словами *darf man nicht*. Детерминирующий фактор эксплицируется в контексте, уточняя значение модального слова и актуализируя одно из частных значений возможности (внутреннее или внешнее). В других случаях внутренний или внешний характер детерминации передается семантикой самой модальной леммы: *белу, wissen* (уметь, мочь), *рәхсәт уму, gestatten* (разрешать), *ярый, kann man* (можно) – внешняя детерминация. В рамках внутренней и внешней возможности могут выделяться подзначения актуальной и узуальной (общепринятой) возможности, различение которых осуществляется на основе признака временной протяженности. Если потенциальная ситуация возможности имеет кратковременный характер, то мы имеем дело с актуальной возможностью. Такая ситуация часто совпадает с настоящим «текущего момента»: *Мин хәзер моньң турында сөйлә алмыйм; Jetzt kann ich darüber nicht sprechen* «Сейчас я не могу об этом рассказать».

Узуальная возможность имеет место тогда, когда потенциальная ситуация носит долговременный характер (возможность связи между субъектом и признаком существует постоянно или достаточно долгое время: *Крестьян баласы, ир малай булса, жиде яшьтән атка, тырмага сабанга йөри ала ...* (Тумашева) «Крестьянский ребенок, если он мальчик, с семи лет может ходить за лошастью, за бороной, плугом ...»; *Zartfühlender Mensch kann darüber nicht laut sprechen* «Деликатный человек не может говорить об этом вслух».

Актуализация значений узуальной и актуальной возможности обычно осуществляется взаимодействующими средствами контекста. Так, показателями актуальной возможности могут выступать обстоятельства времени, обозначающие кратковременность действия – *хәзер, jetzt*

«сейчас»; *бүген, heute* «сегодня»; *кичә, gestern* «вчера»; *иртәгә, morgen* «завтра»; *ул вакытта, in jener Zeit, damals* «тогда» и т.п. Показателями узуальной возможности служат также темпоральные актуализаторы настоящего узуального времени *һәрвакыт, гадәттәгечә, immer, gewöhnlich* «всегда», «обычно».

Необходимо отметить, что модальные средства выражения внутренней возможности «обладать умением» реализует узуальный характер модальной ситуации вне зависимости от контекстуальных отношений. Это объясняется тем, что оттенок модального значения *белу, können* «уметь», будучи связанным со свойствами субъекта действия, имеет исключительно неактуальный характер. Эти глаголы, а также возвратные глаголы в пассивных конструкциях специализируются на выражении узуальной внутренней возможности: *Бу тукума жиңел юыла; Dieser Stoff kann leicht gewaschen werden* «Эта ткань легко стирается».

Для выражения возможности в современном татарском языке используется две разновидности составных глагольных сказуемых: а) глагол *алу* «брать», «взять» в сочетании с деепричастием смыслового глагола на *-а/-ә/-ыў* (бара ала «может идти», керә ала «может войти», укый ала «может читать»: Безнең заманда дворян фәкать батыр йөрәге белән генә – ишетәсезме: батыр йөрәге белән генә – үзенә юл *яра ала* (Дюма) «Только мужеством – слышите ли вы, единственно мужеством! – дворянин в наши дни может пробить себе путь»; б) глагол *белу* «уметь» с деепричастием основного, смыслового глагола обозначает процесс, который умеет выполнять действующее лицо: *Ул гарәпчә дә, төрекчә дә укый белә* «Он умеет (может) читать и по-арабски, и по-турецки».

В современном немецком языке основным средством передачи модального значения возможности, относящегося к различным временам, является модальный глагол *können* (мочь): *Aber ist sich die Masse der Bevölkerung über die Richtung ihres Wohnwillens gegenwärtig noch nicht klar, so kann man doch wohl ihre Sinne schärfen, Vorurteile lösen, Instinkte wecken – und die Regungen sorgfältig beobachten* (Nicklas Maak) «Но если массы населения в настоящее время еще не определили для себя направления в этой области, то тогда все-же позволительно будет обострить их восприятие, устранить предрассудки». Возможность в немецком языке передают также следующие конструкции и модальные глаголы, которые конкурируют с глаголом *können*:

1. *es lässt sich* + неопределенная форма глагола, передающая значение активной возможности: *Es lässt sich* ähnliches von unserem großen Gegenwartsdramatiker Botho Strauß *sagen* (P. Kümmer) «Нечто подобное можно сказать и о выдающемся современном драматурге Бото Штраусе»;

2. Конструкция *sich lassen* + неопределенная форма глагола, имеющая значение пассивной возможности. Причина действия в этом случае не конкретизируется, внешние обстоятельства не называются: *Stoisch arbeiten sich die Künstler an ihren alten Fragen ab: welchen Zwängen können wir uns entziehen? Und welche Grenyen lassen sich noch überschreiten* (H. Rauberger) «Художники стоически изнуряют себя поиском ответа на вопрос: каких условностей мы можем избежать и через какие границы можно еще переступить»;

3. Значение пассивной возможности передает конструкция *sein+zu+неопределенная форма глагола*: *Die Zeitung war auch an den nächsten Tagen nicht aufzufinden* (C. Köhler) «Газету невозможно было найти и в последующие дни». Данная конструкция является многозначной, при ее переводе на татарский язык необходимо обращать внимание на выбор глагола и на ее синтаксическое окружение (контекст).

Для передачи модального значения возможности в немецком языке также используются прилагательные на *-bar*, образованные от глаголов (напр. *lesbar* «можно читать, читаемо» от глагола *lesen* «читать»; *erreichbar* «можно достичь, достижимо» от глагола *erreichen* (достигать): *Die Stadt ist in einer Stunde erreichbar* (Köhler) «До города можно доехать за час»; *Dieses Problem ist nur durch das Entsalzen von Meerwasser lösbar* (Köhler) «Эту проблему можно решить только посредством опреснения морской воды». Эквивалентом такой формы в татарском языке является так называемая форма ограниченного употребления на *-лык/-лек* (барырлык «можно ехать», эчәрлек «можно пить»: *Бу китап укырлык, ул бик кызыклы һәм эчәлекле* «Эту книгу можно читать, она интересна и содержательна»; *Бу суны эчәрлек, ул чиста йәм тонык* «Эту воду можно пить, она чистая и прозрачная».

Таким образом, из приведенных примеров мы видим, что средства выражения модальности возможности в сопоставляемых татарском и немецком языках обладают семантическим сходством, но их употребление в высказываниях различается. Несоответствия в языках можно объяснить не только семантическими расхождениями, но и размытым характером шкалы оценочных обозначений и оценочных стереотипов.

Анализ литературы показывает, что не все средства выражения модальности возможности в сопоставляемых языках являются одинаково употребимыми. Так, в татарском языке пре-

обладают грамматические средства (временные формы глагола), а в немецком – лексические (модальные глаголы, модальные слова). Необходимо отметить также, что в обоих языках значение возможности передается обычно в повествовательных предложениях. В татарском языке наиболее часто используемым средством для передачи данного модального значения является полностью морфологизованная конструкция, состоящая из деепричастия *-a/-ә/-ий* и функционально-вспомогательного глагола *алу*. Следовательно, данную конструкцию можно отнести к центру (ядру) функционально-семантического поля модальности. Остальные конструкции будут означать периферию этого поля.

В немецком языке основным средством выражения категории возможности является модальный глагол *können* (мочь), который можно рассматривать как доминанту (центр) модального поля возможности. Модальные глаголы в сочетании с инфинитивом, безличные конструкции, имеющие значения активной и пассивной возможности, относятся к периферии.

Ссылки:

1. Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл. Л., 1978.
2. Гильфанов Р.Т. Лексико-грамматические средства выражения модальности в разноструктурных языках (на материале татарского и немецкого языков): монография. Тюмень, 2006.
3. Бондарко А.В. Указ. соч.

References (transliterated):

1. Bondarko A.V. Grammaticheskoe znachenie i smysl. L., 1978.
2. Gil'fanov R.T. Leksiko-grammaticheskie sredstva vyrazheniya modal'nosti v raznostrukturykh yazykakh (na materiale tatarskogo i nemetskogo yazykov): monograph. Tyumen', 2006.
3. Bondarko A.V. Op. cit.